Монро
Мерилин

1985

382

Неделя 1985
МИФЫ КИНО
20-26 мая № 21

МЭРИЛИН МОНРО

Одна из самых популярных и самых загадочных фигур в мировом кино, Мэрилин Монро продолжает приковывать внимание людей даже спустя много лет после ее трагической гибели. Мы перепечатываем отрывок из книги английского актера Лоуренса Оливье — еще один штрих к портрету «звезды».

...Итак, компания Мэрилин Монро, которой руководил ее фотограф Милтон Грин, собирается снимать фильм по пьесе «Спящий принц», а сама Мэрилин хочет пригласить меня в качестве режиссера! Я с радостью отправился в Нью-Йорк, сгорая от желания скорее с нею познакомиться.

В Мэрилин Монро жили как бы два человека, столь не похожих друг на друга, что было удивительно, как они в ней уживались.

В тот первый вечер она заставила ждать себя целый час и лишь после этого соизволила явиться. А мы изнывали от тоски, пока нас допекал Милтон Грин своим щедрым вниманием. Наконец, осмелев, я подошел к двери ее комнаты и сказал:

— Ради бога, Мэрилин, выйди, посмотри на нас, ведь мы умираем от нетерпения.

Она появилась... И через мгновение мы все пали к ее ногам. Не помню, о чем мы говорили, помню только, что было очень приятно и весело. Словно сбылись мечты.

Мы не заметили, как пролетел вечер. Прощаясь, Мэрилин вдруг произнесла певучим голоском, звуки которого завораживали:

— Минуточку. А разве нам не нужно поговорить о деле?

И, конечно же, девочка была права!

Мы назначили деловую встречу на следующее утро, а затем я пригласил ее пообедать.

К концу дня мне стало ясно: я безумно влюбился в Мэрилин, и с этим ничего нельзя поделать, и от этого не спастись. По крайней мере, мне так казалось. Это очаровательное, непосредственное, невероятно забавное существо, не говоря уже о ее внешности, не походило ни на одну из женщин. Вернувшись домой, я почувствовал себя бараном, сбежавшим с бойни, да и то ненадолго...

Наступил день ее прибытия в Лондон. Мэрилин сопровождал агент, он же новый муж, популярный писатель Артур Миллер. Я приготовился провести недели две в репетициях, чтобы привыкнуть друг к другу и почувствовать себя как дома, прежде чем приступать к съемкам. При моем огромном опыте работы трудно было себе представить, что все сорвется, но, увы, это случилось!

Перед началом съемок у нас было два дня пресс-конференций. Накануне вечером, уже испытывая некоторое раздражение, я заметил, что знаменитая непунктуальность Мэрилин в какой-то мере рассеивает мнение о ее профессионализме, в который я поверил благодаря отработанной технике ослепительной непосредственности. Я просил ее об одолжении:

— Дорогая Мэрилин, завтра нам никак нельзя опаздывать, у нас нет на это права. Это будет плохо воспринято. Я уверен, что половина участников пресс-конференции ждет, что ты опоздаешь. Умоляю тебя: разочаруй их...

Она обещала... и приехала на час позже. Мне кажется, я никогда не был в таком затруднительном положении. Я сделал все, что мог, пытаясь поправить ситуацию, отвечал на вопросы, касающиеся лично меня. Известно, что я не люблю интервью, а теперь они все заполучили меня — впервые в жизни. Но интерес ко мне пропал, как только появилась Мэрилин. В течение первых двадцати минут все вопросы начинались с одного и того же: почему она позволила себе опоздать? Но ее способность овладевать аудиторией настолько велика, что через несколько минут вся публика была в ее руках.

Она являла собой настоящий парад дисциплинированности, если об этом просил любой фотограф. Сначала я счел это хорошим предзнаменованием. Но уже через несколько недель сказал себе: «Ясно... Натурщица!» Мне кажется, что на такого рода занятиях она научилась большему, чем на уроках сценического мастерства, которые ей давал Ли Страсберг. По-моему, он приносил больше вреда, чем пользы, своим ученикам, и его влияние на американский театр оказалось роковым. Его метод сознательно отрицал мастерство актера — одна ненасытная жажда реализма. В результате молодые американские актеры с болью ощущали пустоту там, где должны были применить элементарную школу, основу, от которой можно оттолкнуться и взлететь. Послевоенный репертуар театров тоже мало помогал актеру в обретении мастерства.

За несколько дней до начала съемок мне сказали, что Паула, жена Ли Страсберга, «всегда ездит вместе с Мэрилин». Я отнесся к этому философски. У Мэрилин не было привычки репетировать, ей не нравилась эта работа, что она и демонстрировала: волосы подобраны и повязаны косынкой, без грима, в темных очках. Всем своим видом она выражала такое равнодушие, что я не находил способа вдохновить ее. Коллеги из Голливуда в один голос сочувствовали мне, их страдания были позади. Да, работать с ней — ад, говорили они. Когда приехала Паула, я отменил на несколько дней репетиции, чтобы еще раз повторить роль и показать Пауле, как это должно быть, чтобы она смогла потом объяснить Мэрилин. В этой ситуации моя профессиональная гордость была слишком большой роскошью, я не имел права сейчас себе ее позволить. Паула же желала участвовать в любой программе, доказывая, что только она способна вынести капризы Мэрилин.

Истина вырвалась наружу с быстротой молнии. Паула ничего не умела: она не была ни актрисой, ни режиссером, ни педагогом, ни советчицей... разве что в глазах Мэрилин. Но зато она обладала уникальным талантом — льстить ей. Однажды в машине я стал свидетелем того, как блестяще она это делает. Я сидел впереди, они обе — на заднем сиденье. Голос Паулы просверлил мне уши:

— Послушай, дорогая, ты обязана отдавать себе отчет в своих возможностях; ты еще не представляешь своего предназначения в мире. Ты самый великий секс-символ, который до сих пор знали. Весь мир это признает... Ты самая великая женщина нашего времени, самое великое человеческое создание нашей эпохи. Можешь считать — всех времен. Ты не имеешь права думать ни о ком другом, будто он популярнее, чем ты.

Как бы невероятно это ни казалось, но здесь нет преувеличения. Пластинка играла без устали более часа, а Мэрилин заглатывала каждое сказанное Паулой слово. И это был единственный вклад Паулы в сценическое искусство... А я все яснее и яснее понимал, во что влип, и приходил в ужас. Тем не менее я отказался обращаться с Мэрилин как с чем-то необыкновенным — я слишком гордился своим делом. Обращался с ней, как со зрелой и заслуженной актрисой, какой она и была в самом деле. Ее же отношение ко мне с каждым днем становилось все более неприязненным и даже грубым.

Когда я очень спокойно пытался довести до ее сознания то, что хотел от нее, она молча выслушивала меня, демонстративно поворачивалась к Пауле и спрашивала: «Что он хочет сказать?»

Очень точно охарактеризовала Мэрилин женщина, которая наблюдала за ней на репетиции из неосвещенной части студии: «Ей нравится выставляться напоказ, быть «звездой», так как все это означает успех. Но она ни за что на свете не хочет быть актрисой. Ошибаются те, кто старается из нее сделать актрису. Ее дарование, ее обворожительное обаяние, ее очарование — часть ее самой, но никакого отношения не имеют к какому-либо виду искусства или таланту...»

После окончания съемок я ощущал некоторую неудовлетворенность. Как продюсер я был полностью удовлетворен фильмом, который получил название «Принц и танцовщица», как актер я, признаюсь, не стыдился самого себя, но как режиссеру мне хотелось еще кое-что вытащить из Мэрилин. Другим режиссерам это удавалось, и меня тяготило, что я мало сумел. Я успокаивал себя тем, что не достиг совершенства, так как хотел избежать ссоры. И попросил Мэрилин, чтобы она с мужем Артуром Миллером посмотрела фильм, а потом оказала любезность и поговорила со мной. Она согласилась, и я откровенно сказал им обоим, что если она и Артур будут полностью удовлетворены, то я, видит бог, буду в восторге и оставлю все как есть. Оба сошлись во мнении, что фильм мог бы быть и лучше, но теперь они просто не знают, что можно еще сделать. Ведь фильм уже закончен.

Я сказал им: если Мэрилин приложит хоть малейшее усилие, чтобы мы лучше поняли друг друга, будет пунктуальной, выполнит добросовестно все, что я ей говорю, и не станет упорствовать всякий раз, если нет необходимости, то я готов переснять некоторые сцены. Я обещал проделать эту работу за два дня, но никого не должно быть рядом с Мэрилин. Впервые я правил бал, и они поняли, что у них нет другого выхода, как согласиться.

Но в первый же день с самого раннего утра все началось сначала, и я был сыт ею по горло...

Наступил день прощания. В аэропорту собралась огромная толпа, обязательные фотографии обязательных объятий. Мэрилин и я целовались, словно самая любящая пара в истории.

Вернувшись домой, я вспомнил, с каким восторгом встретил первую весть о нашей совместной работе. Я вспомнил нашу первую встречу и не поверил сам себе, ужаснувшись от мысли, что влюбился в нее...

Через несколько недель я снова пересек океан, чтобы показать фильм в Америке. Меня встречал Милтон Грин:

— Как ты отнесешься к тому, если мы завтра сделаем серию фотографий?

— Меня одного?

— Нет, с Мэрилин, конечно.

— О! Нет, Милтон, нет, нет и нет. Не своди меня больше с этой дамой.

— Но ведь завтра она будет совсем другой, вот увидишь! Ты не узнаешь ее, она будет великолепна! Кроме того, мы хотим, чтобы фильм принес доход, так? Мы же ничего не сделали для его рекламы.

Было так, как он сказал. Мэрилин опять была женщиной беспредельно привлекательной и умной.

...Несколько лет назад мои друзья из Голливуда решили доставить мне удовольствие и показали фильм, который я сделал двадцать пять лет назад. Я ждал, что они будут издеваться, устанут от острот.

Но... все рассыпались в похвалах: возможно ли, чтобы такой фильм в те годы имел столь малый успех; ведь он был так хорош! А Мэрилин... Мэрилин! Она была чудесна, лучше всех.

Вот так!

Перевод Инги Скачковой.

382